русфонд/www.rusfond.ru

Олег Одноколенко,
СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ РУСФОНДА

Средний персонал

Почему не все пациенты доживают до выписки

Возможно, старшее поколение еще помнит анекдоты о герое советского телесериала докторе Мишкине, который был так же популярен, как Штирлиц. Вот один из образчиков такого творчества. Шутки ради подсунули Мишкину египетскую мумию. Через шесть часов выходит он из оперблока, смахивает пот, стаскивает перчатки и говорит: «Операция прошла успешно, труднее будет выходить пациента». Будете смеяться, но эта анекдотическая ситуация и сегодня с поразительной точностью отражает положение дел в нашей медицине: периодически врачи творят чудеса, но почему-то далеко не все больные доживают до выписки.

К сожалению, открытой информации о том, сколько пациентов умирают в наших больницах из-за ненадлежащего ухода, найти не удалось, скорее всего, она вообще не существует или надежно спрятана от посторонних глаз. Зато есть статистика Национальной службы здравоохранения Великобритании (NHS) за прошлый год, согласно которой у английских пациентов шансов умереть от пренебрежительного отношения медперсонала на 50% больше, чем у американцев, и это худший показатель в Европе. Но если учесть, что, даже по данным Минздрава РФ, смертность у нас втрое выше, чем в Старом Свете, и в пять раз выше, чем в США, и тот факт, что ВОЗ поставила нас аж на 130-е место в мире по эффективности медицинской системы, нетрудно предположить, как обстоит дело с выхаживанием больных в отечественных медучреждениях. И без статданных понятно, что не слишком хорошо.

Главврач московской городской клинической больницы №71 Александр Мясников подтверждает: бывает всякое — сестры могут дать не то лекарство, могут вообще не дать никакого или, например, уронить пациента с каталки по дороге на процедуры. И на Западе такое случается, но там четко прописана система выхаживания больных, и можно не сомневаться: оргвыводы последуют неотвратимо.

У нас же со средним персоналом в больницах предпочитают не ссориться, потому что стационаров больше, чем надо, а медсестер мало, каждая на вес золота. На заседании правительства в апреле 2013 года глава Минздрава Вероника Скворцова привела убийственные данные: дефицит кадров в сфере среднего медперсонала составляет 270 тыс. человек! Но когда одной медсестре приходится работать за трех, понятное дело, за всеми больными не уследить.

Нет времени и повышать квалификацию. Да и стимула нет, потому что за новые знания сестрам не доплачивают, а института обязательной сертификации для среднего медперсонала у нас не существует. Это в Америке любая медсестра, даже если она приписана, скажем, к урологии, может профессионально помочь пациенту, у которого прямо в стационаре вдруг случился инсульт или сердечный приступ: бывает и так, что болезни наслаиваются одна на другую. У нас же не только сестры, но и врачи другого профиля в подобных случаях, как правило, вызывают реанимационную бригаду. И пока те добегут с другого этажа или из другого корпуса, нередко бывает слишком поздно. Вот и получается: человек лег в больницу подлечить почки, а умер от инфаркта…

В общем, тот самый вариант, когда мы ставили гидросооружения поперек сибирских рек, держали пальму первенства в балете и делали ракеты, а до элементарных вещей руки не доходили. И принципиально ничего так и не изменилось. Как и прежде, наши врачи время от времени творят чудеса, и вот свежий пример: на Всемирном конгрессе по заболеваниям печени и поджелудочной железы, который состоялся в Южной Корее, медики из НИИ имени Склифосовского представили новую методику восстановления донорских сосудов пересаженной печени. Даже корейцы, которые в этой области впереди планеты всей, сказали: высший пилотаж! Но что будет дальше, когда обладатель новой печени окажется в руках нашего среднего медицинского персонала, предсказать невозможно: это дело везения. А кому не повезло, тому уж не повезло…

Максима ждут в клинике в июле

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

16 мая в „Ъ“ и на сайте rusfond.ru мы рассказали историю пятимесячного Максима Черномазова из Краснодарского края («Не бояться!», Валерий Панюшкин). У малыша несовершенный остеогенез — повышенная ломкость костей. Лечение поможет укрепить кости, тогда Максим научится ползать, сидеть, ходить. Но родители мальчика не в силах оплатить терапию. Рады сообщить, что необходимая сумма (580 тыс. руб.) собрана. Примите нашу признательность, дорогие друзья!

Всего с 16 мая 185 550 телезрителей «Первого канала», читателей rusfond.ru, „Ъ“ и 45 региональных СМИ, партнеров Русфонда, исчерпывающе помогли 17 больным детям на 16 605 702 руб. Спасибо!

полный отчет
rusfond.ru/**sdelano**

Полет бабочки

Десятилетней Даше Кошман помогут немецкие врачи

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

С непривычки язык можно сломать: буллезный эпидермолиз. Так называется болезнь, при которой кожа ребенка постоянно, с самого рождения, вернее, еще до рождения, покрывается ранами, болезненными волдырями. Только врачи да мамы этих детей без запинки выговаривают диагноз. Но мамы все же предпочитают говорить «синдром бабочки». Кожа у ребенка такая же нежная, как крылья бабочки, бывает, только тронешь — и вот уже новая рана. Вылечить эту болезнь пока нельзя. Но облегчить состояние больного можно. Это делают и этому учат родителей во Фрайбурге, в Германии.

Из всех российских «бабочек» Даша Кошман самая восточная, она живет в Приморском крае, в поселке со странным для этих мест названием Дунай. Живет практически на берегу Тихого океана, вернее, Японского моря.

Как вы думаете, это хорошо — жить у моря? Кому как. Девочке-«бабочке» опасны влажность, туманы, дожди — все то, что и определяет климат, который называется муссонным.

— А переехать не думали? — спрашиваю Елену, Дашину маму.

— Куда ж нам переезжать? — пугается она.— Мы оба здешние, муж и я. У нас здесь родители, мои бабушка и дедушка. Как нам без них?

И так-то трудно, а без родных людей было бы и вовсе невмоготу. Ведь работает в семье только Денис. Работа непостоянная и без оформления: развозит продукты по точкам, получает 20–25 тыс. руб. А Елена и вовсе не работает: это участь мамы «бабочки». Лечение состоит из постоянного, каждодневного бинтования, проколов наполненных жидкостью пузырей, обработки кожи — и снова бинтования. Знаете, сколько времени это занимает? Не меньше полутора часов каждый день. Это даже не работа, это образ жизни.

Теперь другой вопрос: чем бинтовать, смазывать, обрабатывать?

— В ваших аптеках ничего этого нет?

— В наших?! — поражается Елена.— Наши аптеки вообще месяцев пять не работали. Совсем! Сейчас две работают, но то, что нужно Даше, можно купить не ближе Москвы. И вы бы знали, какие деньги на это уходят! Если бы не добрые люди…

Она рассказывает: уходит на это от 50 тыс. до 150 тыс. руб. Добрые люди — это специальный фонд поддержки «бабочек» БЭЛА. Расшифровка аббревиатуры: буллезный эпидермолиз, лечение и адаптация. Добрые люди — это и родственники, даже Дашины прабабушка и прадедушка с каждой пенсии приносят деньги, сколько могут. Это и земляки, знающие Дашу и знающие о Даше и ее болезни-судьбе. Она одна такая в Дунае. Она отличница, учится в школе, учителя и одноклассники ей помогают и берегут.

Даше не могли помочь ни во Владивостоке, ни в Москве. Ни в Китае, ни в Израиле. Ей смогли помочь только во Фрайбурге, в Центре буллезного эпидермолиза. Привычные к российским пациентам немецкие доктора сначала поразились запущенному состоянию Даши. Они нашли, что из всех внутренних органов (а болезнь поражает и изнутри) у Даши нормально работает только сердце.

— Конечно, состояние было запущенным,— говорит Елена.— У нас даже врачи могут в лучшем случае диагноз поставить. А что дальше? Как ухаживать за ребенком — и неизвестно, и нечем. Фонда БЭЛА тогда еще не было.

Елена случайно обмолвилась, что вот сейчас в Дунае нет врача-педиатра.

Даше не помогли во Владивостоке и в Москве. В Китае и Израиле. Ей смогли помочь только в Германии. Немецкие доктора нашли, что из внутренних органов у Даши нормально только сердце

Я поразился: как нет детского врача?! И давно? Елена смягчила свою проговорку:

— Ну не так давно. Месяца четыре, наверное…

Ездят в краевой центр, Владивосток. Вот обследовались у окулиста и стоматолога. Весь результат — две новые царапины, значит, новые раны.

— А когда предупреждаешь врачей, что с Дашей нужно осторожней, они чуть не криком кричат: «Я знаю, не учите меня!»

Об этом Елена рассказывает без обиды. Буднично. Привычно. По-настоящему ее задевает другое. Врачи, один за другим, не без издевки спрашивают: «Ну и зачем вам опять ехать в Германию?» Они имеют в виду: болезнь-то все равно неизлечимая. Уж кому, как не им, знать — в справочниках читали! Так зачем же деньги тратить?

Я хочу объяснить им, этим врачам, и некоторым другим гражданам, чьи высказывания о бессмысленности траты денег на неизлечимо больных встречал на просторах интернета. В европейских странах «бабочки» живут по 50–60–70 лет. В России, если без поездок в Германию,— лет 12–15. Даше в июле будет 11.

Вот почему Даше Кошман снова нужно ехать во Фрайбург. Вообще-то врачи, учитывая Дашино состояние, велели приезжать каждые полгода. Но посмотрели на географическую карту и сказали: ну ладно, хоть раз в год.

Виктор Костюковский

КАК ПОМОЧЬ | **ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДАШИ КОШМАН НЕ ХВАТАЕТ 607 983 РУБ.**

Заведующая отделением дерматологии центра буллезного эпидермолиза при Университетской клинике Леена Брукнер-Тудерман (Фрайбург, Германия): «Полтора года назад, во время обследования, мы обнаружили у Даши стеноз (сужение) пищевода. Нарушение функций глотания было выражено несильно, поэтому лечение не требовалось. Сейчас ситуация изменилась: мама сообщила, что в течение нескольких месяцев Даша часто отказывается от еды, ей трудно глотать. Скорее всего, пищевод необходимо расширить. Если не пролечить вовремя, это может привести к самым печальным последствиям — к резкому снижению веса, внутренним кровотечениям и даже гибели ребенка».

Университетская клиника выставила счет на лечение Даши в сумме €16 120, по курсу это 767 983 руб. Наш партнер ОАО «АКБ "Международный финансовый клуб"» внесет 160 тыс. руб. Не хватает 607 983 руб.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Дашу Кошман, то пусть вас не смущает цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в Русфонд или на банковский счет Дашиной мамы — Елены Викторовны Кошман. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа (подробности на rusfond.ru).

Экспертная группа Русфонда

«Мама, смотри!»

Удивительное для Саши

СВОИ ЧУЖИЕ ДЕТИ

Рубрика Артема Костюковского «Свои чужие дети» о том, как складываются отношения усыновителей с приемными детьми. Сегодня мы публикуем историю главного специалиста телекоммуникационной корпорации Юлии Логиновой, которая воспитывает двоих своих детей и усыновила шестилетнего Сашу.

28 мая 2013 года

— Мне повезло, в детдоме быстро разрешили гостевой режим. Я познакомилась с Сашей, вручила ему рюкзачок с Человеком-пауком (он в своем видеопаспорте рассказывал, что любит этого героя) и предупредила: «Готовься к отъезду, складывай вещи, скоро я заберу тебя домой». Это «скоро» наступило уже завтра.

Когда вышли из детского дома, я сказала ему: «Давай договоримся: никакой Юлии Олеговны (так Сашу научила обращаться ко мне психолог из детского дома), хочешь, мамой меня называй, хочешь — Юлей». И он сразу же назвал меня мамой.

Я могла взять машину, но решила поехать на общественном транспорте. Мы ехали сначала в маршрутке, потом в электричке, потом в метро, потом на трамвае. Я хотела, чтобы мы провели в дороге как можно больше времени, чтобы Саша понял, почувствовал, как далеко я его увожу от детского дома и что он никогда туда не вернется. В дороге Сашу все удивляло: столбы электрические, большие машины... Увидел большую лужу — закричал: «Мама, речка!» Заметил задремавшего пожилого человека — «Смотри, дедушка спит!» Всю дорогу звучал этот возглас: «Мама, смотри!» — и указательный палец снова и снова показывал мне что-то. Удивительное для Саши и привычное для меня. Как будто его из клетки выпустили.

Приехали — а дома старшие мои дети встречали Сашу с шарами, торт испекли. Познакомились. Мы показали Саше, что и где в квартире. После ужина убрал за собой посуду. Когда переоделся, сложил аккуратно вещи в смешные ровные квадратики.

У нас стояла большая ваза с конфетами, и за вечер Сашка слопал все. Я испугалась — врач в детском доме говорила, что у него был тяжелый атопический дерматит. Все обошлось, к счастью.

Я не успела купить Саше одежду, и он приехал домой в одежде из детского дома — штаны, которые всю дорогу сваливались с него, свитер, курточка, носочки, босоножки не по размеру. Но я не выбросила эту одежду, она будет храниться, как от старших детей хранятся вещички, оставшиеся после выписки из роддома.

Наш первый год дома был почти образцово-показательным. Но были и проблемы. В детском саду мы не нашли общий язык с воспитателями. Возможно, в этом и моя вина, поскольку я скрыла факт усыновления и выслушивала по полной программе лекции о «дурном воспитании сына». Дурное воспитание — это «писает мимо унитаза», «не слушается», «не умеет дружить с детьми», «засовывает в рот грязь с пола» и т. п. В общем-то, ничего криминального, но вот воспитателей все это очень нервировало. Но все эти проблемы решаемы, сейчас Сашу даже начали хвалить.

Не знаю, могу ли я агитировать брать детишек из детских домов в семью. Но одно могу сказать точно: чтобы сделать такого ребенка счастливым, не нужно быть богатым. Достаточно иметь крышу над головой, стабильный заработок. Я не богач, уже много лет одна воспитывала кровных сына и дочь. Жалею только о том, что нет у меня пока возможности помочь еще хотя бы одному ребенку.

весь сюжет
rusfond.ru/**svoi-chuzhie-deti**

Из свежей почты

Руслан Иванов, 7 лет,
задержка психоречевого развития,
требуется курсовое лечение. 190 800 руб.

В семь лет у Руслана нет речи. Я сама поздно заговорила, и то, что сын растет молчуном, меня до поры не тревожило. Физически он крепкий, развитый. А теперь ему пишут в карте «умственная отсталость» и ни в детсад не брали, ни в специализированные центры на обучение. Мол, тяжелый ребенок, неконтактный. При этом он гиперактивный, вскакивает, кричит. От еды отказывается, лекарства выплевывает. Нарушений в структуре головного мозга нет, слух нормальный. Тут нужна особая медицинская помощь. Я узнала, что таких детей успешно лечат в Институте медтехнологий (ИМТ), но лечение оплатить не могу. Сына воспитываю одна, без алиментов. Снимаю «однушку» поближе к реабилитационному центру. *Елена Иванова, Забайкальский край*

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Мы сможем сформировать словарный запас и развить коммуникативные навыки, социально адаптировать Руслана».

Дима Казанов, 4 месяца, деформация черепа,
требуется лечение. 120 тыс. руб.
Внимание! Цена операции 180 тыс. руб.
Фонд «Наша инициатива» компании «М.Видео» внесет 60 тыс. руб. Не хватает 120 тыс. руб.

Когда мы приехали из роддома, бабушки сразу заметили: голова у Димы странная, вытянутая. Время идет, деформация все заметнее, а врачи говорят: такую голову Бог дал, ничего не поделать! Мы выяснили через интернет, что у Димы аномалия, которую надо устранить хирургически, ведь сросшиеся кости черепа не дают мозгу развиваться. Добились направления в Москву. Опытный нейрохирург сказал, что три месяца назад лечение ограничилось бы ношением ортопедических шлемов, но теперь нужна срочная реконструкция костей свода черепа. Операцию проведут за госсчет, шлемы нужно оплачивать самим. Нам такое лечение не осилить, а без него и операция теряет смысл. Помогите! *Надежда Кубай, Чувашия*

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Использование индивидуальных шлемов-ортезов в комбинации с хирургией отрегулирует рост черепа по заданной форме».

Вика Ненахова, 4 месяца,
врожденная двусторонняя косолапость, требуется лечение по методу Понсети. 120 тыс. руб.

Одна ножка у Вики особенно сильно вывернута. В роддоме сказали: надо оперировать. А друзья нашли в интернете клинику, где таких малышей лечат новым методом Понсети. Мы уже ездили на консультацию, и врачи обнадежили: Вике это лечение поможет. Заплатить за него мы не можем, а время, когда суставы наиболее податливые, уходит. Муж потерял работу. Я продавец на рынке, в среднем зарабатываю 5 тыс. руб. в месяц. Вика еще совсем маленькая, но когда подрастет, она же ходить не сможет! Мы закутываем дочку, если приходят гости, чтобы потом никто не припоминал ей врожденную патологию и чтобы не было комплекса неполноценности. *Алина Ненахова, Брянская область*

Руководитель клиники «Современные медицинские технологии» Юрий Филимендиков (Ярославль): «Методом Понсети, чередуя этапные гипсования с щадящей хирургией, мы выведем стопы Вики в правильное положение».

Даша Ушакова, 2 года, врожденный порок
сердца, спасет эндоваскулярная операция.
198 тыс. руб.
Внимание! Цена операции 253 тыс. руб.
Группа строительных компаний ВИС внесет 55 тыс. руб. Не хватает 198 тыс. руб.

Роды были тяжелыми, дочка попала в реанимацию. В полтора месяца Дашу положили в районную больницу (она часто болеет — вирусные инфекции, тонзиллит), там ей поставили диагноз «порок сердца». Когда Даша опять оказалась в больнице, туда приехали кардиологи республиканского диагностического центра. Они подтвердили наличие дефекта межпредсердной перегородки и стали торопить нас с операцией: сердце перестает справляться с нагрузками. Малышка даже сидя потеет от слабости, губы синеют. Муж лесорубом зарабатывает 6 тыс. руб., пособие на ребенка 164 руб. в месяц. Район дотационный, банк отказал в выдаче кредита. Помогите! *Наталья Ушакова, Удмуртия*

Ведущий научный сотрудник НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривощеков (Томск): «Даше показано эндоваскулярное закрытие дефекта межпредсердной перегородки».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 16.05.14—22.05.14

ПОЛУЧЕНО ПРОСЬБ — **57**
ПРИНЯТО В РАБОТУ — **45**
ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — **12**
ПОЛУЧЕНО ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — **0**

все сюжеты
rusfond.ru/**помогите, пожалуйста**

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РУСФОНДА

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в "Ъ". Проверив письма, мы размещаем их в "Ъ", на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», в эфире «Первого канала», а также в 45 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в различных регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и телезрителям затея понравилась: всего собрано свыше $156,3 млн. В 2014 году (на 22 мая) собрано 662 938 571 руб., помощь получили 566 детей. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник» за 2000 год.

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
rusfond.ru; e-mail: rusfond@rusfond.ru.
Телефоны: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.